

Социальный капитал республик Тыва, Хакасия и Алтай в оценках и представлениях жителей регионов (по данным массовых опросов 2013 и 2018 гг.)

Юрий М. Аксютин

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Российская Федерация

Цель исследования заключается в анализе особенностей и динамики изменений, определении характера основных компонентов (типов) социального капитала в республиках Тыва, Хакасия и Алтай (в оценках и представлениях жителей регионов). В представленном исследовании осуществлена концептуализация структуры социального капитала, которая включает три элемента: «капитал доверия», «капитал ценностей и норм» и «капитал социальных сетей». Рассматриваемые элементы структуры социального капитала выделены аналитически и взаимосвязаны. Эмпирической базой исследования были результаты массовых опросов в данных республиках в 2013 и 2018 гг.

Проведенное исследование оценок социального капитала позволяет говорить, что в республиках Южной Сибири он находится в процессе трансформации. Этим объясняется противоречивая картина функционирования элементов и закрытого (бондингового), и открытого (бриджингового) социального капитала. Рассмотренные нами факторы и индикаторы демонстрировали, например, свойственный открытому типу социального капитала средний уровень самокатегоризации и идентификации жителей региона с национальной российской общностью, низкий уровень ответственности за положение дел в стране, а также отсутствие доверия к органам исполнительной власти. Этот тезис подтверждают результаты опросов, свидетельствующие, что жители республик Южной Сибири не готовы действовать в рамках общественных и политических организаций, но склонны к взаимовыручке, ограниченному альтруизму. Выявлен характерный для открытого типа социального капитала высокий уровень комплементарности социокультурных, этнически и конфессионально гетерогенных групп региона, вплоть до совпадения норм морали и ценностей, нулевой терпимости к дискриминации, что свидетельствует о формировании групп «большого радиуса доверия» и положительной динамики капитала ценностей и норм. В целом динамика развития социального капитала в регионе может быть оценена оптимистично, поскольку зримо формируется традиция политического участия. Закрытый социальный капитал может нарушить такую связь, поддерживая неэффективное государство и лишая современные гражданские институты общественной поддержки.

Ключевые слова: социальный капитал; капитал доверия; идентичность; социальная сеть; Республика Тыва; Республика Хакасия; Республика Алтай

Для цитирования:

Аксютин Ю. М. Социальный капитал республик Тыва, Хакасия и Алтай в оценках и представлениях жителей регионов (по данным массовых опросов 2013 и 2018 гг.) // Новые исследования Тувы. 2022, № 3. С. 150-169. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.3.11>

Аксютин Юрий Михайлович — кандидат философских наук, доцент кафедры гражданско-правовых и уголовно-правовых дисциплин Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. Адрес: 655017, Россия, г. Абакан, пр. Ленина, д. 90. Тел.: +7 (906) 190-23-72. Эл. адрес: aksutum@mail.ru

AKSIUTIN, Yuriy Mikhailovich, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Civil Law and Criminal Law Disciplines, Katanov State University of Khakassia. Postal address: 90 Lenin St., 655017 Abakan, Russian Federation. Tel.: +7 (906) 190-23-72. E-mail: aksutum@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-5996-3686

Social capital of Tuva, Khakassia and Altai in estimates and opinions of their inhabitants (according to mass surveys conducted in 2013, 2018)

Yurii M. Aksiutin

Katanov State University of Khakassia, Russian Federation

The aim of the study is to analyze the features and dynamics of changes and to determine the nature of the main components (types) of social capital in the republics of Tuva, Khakassia and Altai (as estimated and represented by residents of the regions). In the research, the structure of social capital has been conceptualized. It includes three elements: the “capital of trust”, the “capital of values and norms” and the “capital of social networks”. The considered elements of the social capital structure are analytically distinguished and interrelated. The empirical basis of the study was the results of mass surveys conducted in the republics of Tuva, Khakassia and Altai in 2013 and 2018.

The conducted research on estimates of social capital in the republics of Southern Siberia has shown that it is in the process of transformation. This explains the controversial picture of the functioning of the elements of both bonding and bridging social capital. The considered factors and indicators demonstrated, for instance, the average level of self-categorization and identification with the national Russian community among the residents of the region, a low level of responsibility for the state of domestic affairs, as well as a lack of confidence in the executive authorities. This is characteristic of the bridging type of social capital. This thesis is confirmed by the results of the surveys which indicate that residents of the southern Siberian republics are not ready to act within the framework of public and political organizations, but are inclined to mutual assistance and limited altruism. A high level of complementarity of sociocultural, ethnically and confessionally heterogeneous groups of the region was revealed. It is also characteristic of the bridging type of social capital and includes the coincidence of moral norms and values, zero tolerance for discrimination. This indicates the formation of groups of a “large radius of confidence” and the positive dynamics of the capital of values and norms. In general, the dynamics of the social capital development in the region can be optimistically estimated, since the tradition of political participation is distinctly being formed. The bonding social capital can disrupt this connection by supporting an inefficient state and depriving modern institutions of public support.

Keywords: social capital; capital of trust; identity; social network, Republic of Tuva; Republic of Khakassia; Altai Republic

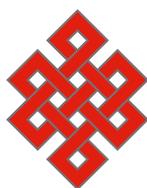

For citation:

Aksiutin Yu. M. Sotsial'nyi kapital respublik Tyva, Khakassii i Altaia v otsenkakh i predstavleniiakh zhitelei regionov (po dannym massovykh oprosov 2013 i 2018 gg.) [Social capital of Tuva, Khakassia and Altai in estimates and opinions of their inhabitants (according to mass surveys conducted in 2013, 2018)]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 3, pp. 150-169. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.3.11>

Введение

Впервые появившись в начале 1960-х гг. как термин для обозначения экономического потенциала социальных связей, в 1980-е гг. «социальный капитал» обрел концептуальное оформление, а в конце 1990-х гг. стал популярным в области социологии, политологии и философии. Теперь концепция социального капитала фигурирует в составе знаковых экономических теорий и исследований, используется политиками и проникает в социальный дискурс. Число публикаций, посвященных операционализации концепта и совершенствованию методик измерения социального капитала, исследованию рисков его функционирования в постсоветской России, растет экспоненциально, однако работы, фокусирующиеся на анализе особенностей развития социального капитала в Южно-Сибирском регионе, встречаются достаточно редко. В таком контексте изучение особенностей функционирования социального капитала в республиках Южной Сибири в оценках и представлениях самих жителей региона, составляющее предмет представленного исследования, обладает практической и академической актуальностью.

Цель статьи заключается в анализе особенностей и динамики изменений восприятия и оценок основных компонентов социального капитала (капитала доверия, сетей, ценностей и норм) жителями республик Тыва, Хакасия и Алтай с опорой на данные проведенных в регионе массовых опросов 2013 и 2018 гг.

Эмпирической базой исследования стали результаты проведенных нами массовых опросов в республиках Тыва, Хакасия и Алтай по стандартизированной программе и анкете: 1) социологическое исследование (2013 г.) в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. по проекту «Надэтническая идентичность: анализ состояния и оценка потенциала оптимизации региональной модели межкультурного взаимодействия» (№ 14.В37.21.0511). Выборочная совокупность — 1000 чел. (Тыва — 290 чел., Хакасия — 520 чел., Алтай — 190 чел.); 2) социологическое исследование (2018 г.) в рамках проекта «Анализ и оценка эффективности функционирования гражданской нации в региональном социуме», поддержанного грантом Президента РФ (МК-587.2017.6). Выборочная совокупность — 1000 чел. (Тыва — 290 чел., Хакасия — 520 чел., Алтай — 190 чел.) (Аксютин, Тышта, 2013; Аксютин, 2016, 2019; Aksutin, Kochina, 2020). В обоих исследованиях применялась многоступенчатая выборка. Доля каждой республики в общем объеме выборки определяется пропорционально долям этих республик в генеральной совокупности. Выборка внутри республик квотная, определялась с учетом половозрастных распределений и с процентным ограничением респондентов, имеющих высшее образование. Исследование ресурса компонентов социального капитала в оценках и представлениях жителей республик Южной Сибири не предполагает высокой точности данных, поэтому доверительный интервал допустимой ошибки был в рамках 10%.

При расчёте объема выборки использовались данные Тывастата, Хакасстата, Алтайкрайстата и Красноярскстата о численности жителей республик (генеральная совокупность 324 423 чел. в Туве, 537 513 чел. — в Хакасии и 210 344 чел. — в Республике Алтай). Выборочная совокупность: Тыва — 290 чел., Хакасия — 520 чел., Алтай — 190 чел. (доверительная вероятность — 95% и интервал $\pm 5\%$)

Теоретико-методологическая база исследования

Концепция социального капитала формировалась на протяжении последней четверти двадцатого века. Так, П. Бурдье применил понятие «социальный капитал» для обозначения особого типа социальных связей, которые функционируют в качестве связующего звена между физическим и человеческим капиталом, характеризуются высоким уровнем приязни и доверия, играют роль механизма снижения транзакционных издержек в условиях сильной бюрократии и формализма (Bourdieu, 1986). Р. Патнэм, ориентируясь на концепцию П. Бурдье, развивает ее в структурном (выделяет структурные компоненты: социальные нормы, связи, доверие) и методологическом плане (индикаторная модель интенсивности и плотности контактов, социальных сетей, оценок качества управления и доверия властным структурам, функционирования унифицированных норм морали) (Putnam, 2000).

Современные исследователи в вопросе расширения сферы применения понятия и концепции идут еще дальше, определяя социальный капитал как ресурсный потенциал, функционирующий на микро- и макроуровне: местных сообществ, стран и регионов (Гужавина и др., 2018; Полищук, 2011; Рогов, 2019), различных этноконфессиональных общностей (Williams, Krasniqi, 2018), домохозяйств и семейных фирм, территориальных агломераций (Nugrahani, Suharni, Saptatiningsih, 2019; Sanchez-Ruiz et al., 2019). Социальный капитал рассматривается в качестве ценного коллективного и производственного ресурса, фактора функционирования и развития современного социума (Радаев, 2002: 27). В таком контексте диагностика потенциала социального капитала приобретает особое значение для региональных сообществ, переживающих кризис, в частности Южно-Сибирских республик Тыва, Хакасия и Алтай, демонстрирующих низкие показатели роста в сфере экономики и производства.

Методика измерения социального капитала развивалась вместе с теорией. Если в концепциях П. Бурдье, Ф. Фукуямы и Дж. Коулмана социальный капитал позиционировался как личностный ресурс (друзья, знакомые, родственники, члены клуба) человека (Bourdieu, 1986; Фукуяма, 2002; Coleman, 1988), то позднее, когда Р. Патнэм, Р. Леонарди, Р. Нанетти продемонстрировали возможности «открытого социального капитала»¹ в плане оптимизации производственной и социальной сферы (Putnam,

¹ Само понятие «открытый социальный капитал» не является устоявшимся. В западной литературе его принято обозначать *bridging* (открытый, внешний, межгрупповой, вертикальный, инклюзивный), противопоставляя другой форме капитала — *bonding* (закрытый, внутренний, горизонтальный, эксклюзивный). Обобщенно

Leonardi, Nanetti, 1994), встал вопрос выработки методик измерения и оценки его объемов и ресурса. Учитывая, что это явление многоаспектное и многомерное, исследователи (напр., Гужавина и др., 2018; Полищук, 2011) часто используют индексы, индикаторные модели, отличающиеся разнообразием системы показателей. Отметим, что единой методики анализа и оценки функционирования структурных компонентов и типов социального капитала до настоящего момента не выработано, а набор инструментов определяется особенностями исследуемого объекта: группы, сообщества, региона, страны.

Очевидно, что решение вопроса подбора методов измерения, анализа и оценки компонентов социального капитала во многом зависит от выбранной исследователем общей теоретической модели социального капитала. По причине сложности самого феномена, компоненты которого функционируют в неявной форме, понимание структуры, обозначение (название) компонентов и типов социального капитала может значительно отличаться у разных авторов. В то же время большинство современных исследований социального капитала в регионах России (Гужавина и др., 2018; Коробейников, 2017; Полищук, 2011) используют весьма близкие по характеру и обозначению выделяемых компонентов структурные модели (структурные индексные блоки: доверие, базовые ценности/ценностные ориентации/нормы морали, социальные сети) и методы (анкетирование, экспертное интервьюирование).

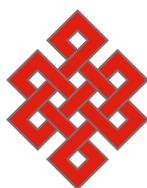
В представленном исследовании структура социального капитала определена нами как состоящая из трех элементов: «капитал доверия», «капитал ценностей и норм» и «капитал социальных сетей» жителей республик Южной Сибири. Предлагаемая структура социального капитала не претендует на универсальность, но коррелирует с генетическим содержанием феномена социального капитала, целями и эмпирической базой нашего исследования. В плане обоснования такого подхода отметим прежде всего, что почти во всех определениях социального капитала, и это обусловлено его генетической природой, присутствуют следующие ключевые смысловые компоненты: во-первых, социальный капитал с необходимостью порождает блага для представителей определенного сообщества (семья, местное сообщество, агломерация, этнос, нация и т. д.), которое обозначается как сеть, с подчеркнутой значимостью контакта и транзакций. Во-вторых, обозначенные блага достигаются посредством функционирования связей, основанных на доверии, содержательно предполагающем единство норм морали и ценностей. Концептуальное определение социального капитала в категориях: доверие, нормы и сети встречается в исследованиях Р. Патнэма, Р. Леонарди, Р. Нанетти, С. Дурлауф, М. Фафшамп и др. (Putnam, Leonardi, Nanetti, 1994: 167; Durlauf, Fafchamps, 2005). Российские исследователи развивают сложившиеся за рубежом взгляды на социальный капитал, зачастую используя те же категории (доверие, сеть, ценности, нормы и др.) при концептуализации его структуры (Гужавина и др., 2018; Полищук, 2011).

В данном исследовании, включающем значительный по объему эмпирический материал, расчет значений индикаторной модели максимально упрощался с целью не размыть общую картину и сделать результаты пригодными для сопоставления. Поэтому все составляющие концепции структуры социального капитала рассматривались как имеющие одинаковое значение. Для оценки характера и «веса» выделенных элементов используется индексный метод, который, как это продемонстрировано в исследовании Т. А. Гужавиной и ее коллег, позволяет оценивать условный запас и уровень накопления социального капитала выделенных групп в региональном сообществе (Гужавина и др., 2018: 112).

Интегральный индекс социального капитала может быть представлен как сложная средняя отдельных индексов по каждому выделенному компоненту: индекс накопления капитала доверия, капитала ценностей и норм, капитала социальных сетей. Сводный индекс каждого элемента рассчитывается как среднее оценок респондентов. Функционально индекс позволил агрегировать ответы респондентов на вопросы анкеты и на основе общего признака осуществить их группирование (первая группа — ответы,

---

бриджинговый капитал определяется как «характеристики социальной жизни — сети, нормы и доверие, которые способствуют совместной деятельности для достижения общих благ» (Putnam, 1995: 664). Бондинговый капитал, напротив, характеризуется направленностью вовнутрь, образуется внутренними связями, которые устанавливаются между членами общности и ограничиваются ее пределами. В российской социологии еще не сложилось общепринятого перевода и интерпретации этих понятий.

в которых присутствует сам субъект и преобладает ориентация на неформальные связи, закрытость и ограниченность контактов, низкий уровень доверия и толерантности, группы ответов (вторая группа) со сдержанной и средней ориентацией на неформальные связи, сдержанный, но положительный уровень доверия и толерантности и группа ответов (третья) с высоким уровнем открытости, доверия, толерантности), определить долю представителей группы в проценте от числа ответивших, где устанавливалось индексное значение. Группы разграничиваются по содержанию ответа и процентной представленности, где единица равнялась 33,3% (трети от числа опрошенных).

Динамика капитала доверия в оценках жителей республик Южной Сибири

Категория «доверие» присутствует в качестве элемента структуры, а то и связующего звена, основания, в большинстве классических и современных концепций социального капитала (Coleman, 1988; Гужавина, Воробьева, 2018; Фукуяма, 2004, Полищук, 2011). В самом широком смысле доверие — это совокупность отношений, ожиданий, обязательств, порождающих действия. Обладая мощным общественным, экономическим и политическим эффектом (Шабунова, Косыгина, Белехова, 2021: 190), доверие рассматривается социологами, психологами, политологами и философами в качестве атрибута социальных взаимодействий, фактора, определяющего характер горизонтальных и вертикальных общественных связей (Coleman, 1988), существенно влияющего на социально-политическую активность (Гужавина и др., 2018: 45) и благосостояние граждан, их приверженность демократическим институтам и ценностям (Инглхарт, Вельцель, 2011).

Будучи сложным явлением, феномен доверия в концепциях социального капитала имеет неоднозначную интерпретацию. Например, в концепциях Дж. Коулмана (Coleman, 1988), Ф. Фукуямы (Фукуяма, 2004), рассматривающих социальный капитал довольно ограниченно, как эффект от личных, часто эмоционально окрашенных контактов, знакомств, акцент делается на межличностном доверии (микроуровень), выступающем основанием тех самых неформальных связей, которые открывают доступ к благам участникам группы, клуба. В концепции Р. Патнэма (Putnam, 1995), значительно расширяющей понимание социального капитала, вплоть до границ «воображаемого сообщества» (нации), связанного идентичностью, гражданственностью (макроуровень), а не только личным знакомством, в качестве объектов доверия выступают действующие в обществе неперсонифицированные отношения, социально-политические институты и производные от них нормы, законы, правила. Развивая такой подход, многие ученые предлагают неперсонифицированное доверие, как наиболее выразительный показатель функционирования социального капитала локально-территориальных общностей, дополнительно разделять на институциональное и обобщенное доверие («людям вообще», не связанное с конкретной ситуацией, объектом доверия) (Козырева, Смирнов, 2010; Рыжова, 2016: 76–77).

Проводимые нами в регионе опросы фиксировали почти неизменно высокий уровень межличностного доверия респондентов вне зависимости от места проживания, этнической принадлежности. Уровень доверия ближнему окружению, семье, друзьям всегда выше, чем — дальнему. Более 89% всех опрошенных себя, семью и родственников обозначили как высшую ценность, испытывают за них безусловную ответственность и безоговорочно им доверяют. Отмеченная ситуация не является отличительной чертой межличностных отношений жителей региона, фиксируется исследователями в других субъектах РФ: Пензенской и Ульяновской областях (97%) (Кошарная, 2015), Алтайском крае, Амурской, Астраханской, Волгоградской областях, Республике Тыва и Хабаровском крае (92,5%) (Спирина, Максимова, 2019).

В представленном исследовании основной акцент был сделан на неперсонифицированном доверии. В меньшей степени мы концентрировались на обобщенном доверии, дающем представление о ситуации и атмосфере в целом, и в большей степени на институциональном доверии поскольку, доверие как социальный капитал формируется только в обществе на основе социальных связей, взаимодействий индивидов и групп (Шорина, 2013), соответственно, приоритет отдается осмыслению роли не столько глубинного слоя феномена доверия (диспозиции, аттитюды, установки, эмоции), сколько структуре социально-политического и экономического действия.

В исследуемый нами период уровень неперсонифицированного доверия измерялся различными международными и российскими исследовательскими организациями, социологическими службами.

Согласно данным исследовательского проекта «Обзор мировых ценностей» (*World Values Survey*) (60 стран мира, порядка 1500 респондентов в каждой стране)¹, уровень неперсонифицированного, обобщенного доверия в России (доля опрошенных, полагающих, что «большинству людей можно доверять») в 2010–2014 гг. находился в рамках среднемировых значений (28%) (Херпфер, Кизилова, 2016: 26). В 2018 г. обобщенное доверие было на уровне 24%. Это несколько выше среднего в мире (порядка 26,7%) (Алмакаева, Волченко, 2018: 282). Более специализированные российские исследования несколько уточняют картину, но практически не меняют. Например, опрос 2013 г. «Доверие в обществе», осуществленный Фондом общественного мнения (1500 респондентов в 100 населенных пунктах 43 субъектов РФ)², выявил, что, по мнению большинства опрошенных россиян, в отношениях с людьми следует быть осторожными (77%). Вариант: «Большинству можно доверять» выбрали только 19% респондентов, то есть не более пятой части опрошенных. По результатам опроса 2019 г. (53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов), ситуация несколько улучшилась: уровень обобщенного доверия был в пределах 32% против 64% отметивших, что следует быть осторожными в отношениях с людьми³. В ходе проведенного в 2013 году опроса «Левада-Центра»⁴, порядка 28% опрошенных ответили, что людям можно доверять и 61% заявили, что в отношениях с людьми стоит быть осторожным, а опрос 2018 г., продемонстрировал, что не более 20% респондентов полагают, что людям можно доверять (80% выбрали осторожность)⁵.

Уровень обобщенного (в некоторых исследованиях — генерализованного) доверия, как формы проявления социального капитала, отмечают К. Херпфер, К. А. Кизилова, не может анализироваться в вакууме и нуждается в институциональной среде функционирования (Херпфер, Кизилова, 2016: 27). И наоборот, от уровня институционального доверия зависит общее доверие, которое служит предпосылкой для повышения эффективности государственных учреждений. Институциональное доверие, отмечают исследователи (Спирина, Максимова, 2019), отражает степень уверенности граждан в базовых институтах и нормах, а игнорируемые властями сообщества и группы чаще избирают путь самоизоляции.

Согласно данным уже упомянутого проекта «Обзор мировых ценностей» (*World Values Survey*) в 2010–2014 гг. по уровню институционального доверия Россия демонстрировала значения ниже средних (19 место среди 26 стран). А. А. Шабунова, Т. А. Гужавина, Т. П. Кожина, основываясь на данных программы *Trust Barometer* американского PR-агентства *Edelman PR Worldwide* также отмечают, что Россия в 2013–2014 гг. находилась на последних позициях в мировом рейтинге институционального доверия с показателем 36–37% опрошенных, которые доверяют государственным и общественным институтам (Шабунова, Гужавина, Кожина, 2015). В 2018 г. PR-агентство *Edelman* и вовсе публикует доклад «Битва за доверие» в котором отмечается значительное падение уровня доверия как в России, так и в других странах (США, Япония и др.)⁶. Тем не менее, отмечает Д. А. Авдеева, сводный уровень доверия к организациям в России ниже, чем во всех остальных странах, участвовавших в опросе (Авдеева, 2019: 83). Анализируя данные периодических опросов Института социологии ФНИСЦ РАН (2014–2021 гг.) Ю. В. Латов также склонен сделать вывод о превалировании в России недоверия к подавляющему большинству (к 9 из 15) современных институтов, связанных с управлением обществом (Латов, 2021). По его мнению, это косвенная, но весьма критическая оценка гражданами существующей в России социально-политической системы, которая 30 лет назад формально приняла западные институты, но до сих пор им мало доверяет.

¹ Inglehart, R., C. Haerpfer, A. Moreno, C. Welzel, K. Kizilova, J. Diez-Medrano, M. Lagos, P. Norris, E. Ponarin & B. Puranen et al. (eds.). 2014. *World Values Survey: Round Six — Country-Pooled Datafile Version*. Madrid: JD Systems Institute [Электронный ресурс] // *World Values Survey. WVS Wave 6 (2010–2014)*. URL: <https://worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp> (дата обращения 25.04.2022).

² Доверие в обществе. О социальном, межличностном доверии и готовности объединяться для совместных действий [Электронный ресурс] // Фонд «Общественное мнение». 2013. URL: <http://fom.ru/TSennosti/11253> (дата обращения: 25.04.2022).

³ Межличностное доверие. Надо ли доверять людям? Можно ли вернуть утерянное доверие? [Электронный ресурс] // Фонд «Общественное мнение». 2019. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14215> (дата обращения: 25.04.2022).

⁴ *Общественное мнение — 2013*. М.: Левада Центр, 2014. С. 22.

⁵ *Общественное мнение — 2018*. Ежегодник. М.: Левада-Центр, 2019. С. 23.

⁶ 2018 *Edelman Trust Barometer. Global Report* [Электронный ресурс] // *Edelman Trust Barometer*. URL: https://edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2018-10/2018_Edelman_Trust_Barometer_Global_Report_FEB.pdf (дата обращения: 25.04.2022).

В нашем опросе 2013 г. респондентам также предлагалось ответить на вопрос, насколько они доверяют определенным государственным институтам, местной администрации. Анализ ответов респондентов на вопрос об уровне абсолютного доверия Президенту России в период 2013–2018 гг. выявил тенденцию его снижения. Так, в 2013 г. в Хакасии доверяли Президенту 20,8% опрошенных, скорее доверяли еще 38,3% и не доверяли 34,5% респондентов (таблица 1). В Республике Алтай Президент РФ пользовался доверием только 10% опрошенных, но склонных ему доверять было 38,3%, а не доверяли 37,4% респондентов. В Туве ситуация была кардинально иной — доверяли Президенту 44,8%, скорее доверяли 38,3% против 8% отказавших в доверии.

Таким образом, на начало исследований индекс группы отказавших в доверии главе государства в Хакасии и Алтае был больше единицы, но самой массовой была вторая группа во всех трех республиках.

В опросе 2018 г. безоговорочно доверяли Президенту только 13% опрошенных в Хакасии, 28,6% — в Туве и 4,2% — в Республике Алтай. Не доверяли: 30,9% — в Хакасии, 16,2% — в Туве, 63,1% — на Алтае.

Таким образом, у опрошенных в Туве и Хакасии уровень доверия Президенту заметно снизился и описывался в категориях «скорее доверяю». Тем не менее, самой многочисленной оставалась вторая группа со средним уровнем накопления капитала доверия. Иной была ситуация в Республике Алтай, индекс группы с наименьшим уровнем накопления капитала доверия приближался к двум единицам.

Таблица 1. Динамика изменения ответов респондентов на вопрос «Каков уровень Вашего доверия к Президенту РФ?», в %
Table 1. Dynamics of changes in respondents' responses to the question "What is the level of your trust in the President of the Russian Federation?", in %

Каков уровень Вашего доверия к Президенту РФ?	Жители республики					
	Хакасия		Тыва		Алтай	
	2013	2018	2013	2018	2013	2018
полностью доверяю	20,8	12,9	44,8	28,6	10	4,2
скорее доверяю	38,3	40,4	38,3	42,1	38,4	21,6
скорее не доверяю	18,3	19,2	6,2	7,9	22,1	38,9
совершенно не доверяю	16,2	11,7	1,7	8,3	15,3	24,2
затрудняюсь ответить	6,5	15,8	9	13,1	14,2	11,1

Если доверие Президенту России в Хакасии и Туве отметили чуть более 50% респондентов, а на Алтае ему доверяли только порядка четверти опрошенных, то каков же был уровень доверия главам южно-сибирских республик?¹

По данным опроса 2013 г., главу республики в Хакасии поддерживали порядка 46,7% против 43,6% отказавших ему в доверии. Разбив данные на группы, мы получим картину численного преобладания группы со средним уровнем накопления капитала доверия институту главы республики (таблица 2), соответственно, характеризующуюся средней степенью открытости к готовности к взаимодействию. В Туве полностью доверяли главе 28,3% против 25,9% отказавших в доверии, но в целом мы видим ту же картину со средним значением уровня доверия главе. В Республике Алтай ситуация была схожей и отличалась лишь тем, что полностью доверяли главе менее 5% опрошенных при очень высоком уровне (40%) отказавших в доверии.

В 2018 г. безоговорочно поддерживали глав республик только 2,7% опрошенных в Хакасии, 12,1% — в Республике Алтай и 8,3% — в Туве. Сдержанную позицию со скорее положительной оценкой демонстрировали 18,3% в Хакасии, 31,4% — в Туве, 28% — на Алтае. Иными словами, очевидно падение уровня доверия жителей главам республик, которым не доверяют 59,8% опрошенных в Хакасии, 43,5% — в Туве и 46,3% — на Алтае (индекс более единицы).

¹ В должности Главы республики Хакасия в период с 2009 г. по 3 октября 2018 г. работал В. М. Зимин. С 3 октября по 15 ноября 2018 г. вместо снявшего свою кандидатуру с выборов главы республики временно исполняющим его обязанности назначен М. В. Развожаев. По итогам выборов главой республики с 15 ноября 2018 г. стал В. О. Коновалов. Главой Республики Тыва в период с 2007 по 2021 гг. был Ш. В. Кара-оол (утвержден в должности 6 апреля 2006 г. Великим Хуралом Тувы). Главой Республики Алтай в период с 2006 по 2019 гг. был А. В. Бердников.

Таблица 2. Динамика изменения ответов респондентов на вопрос «Каков уровень Вашего доверия к главе республики?», в %
Table 2. Dynamics of changes in respondents' responses to the question "What is the level of your trust in the Head of the Republic?", in %

Каков уровень Вашего доверия к главе республики?	Жители республики					
	Хакасия		Тыва		Алтай	
	2013	2018	2013	2018	2013	2018
полностью доверяю	12,9	2,7	28,3	8,3	4,2	12,1
скорее доверяю	33,8	18,3	36,2	31,4	34,7	27,9
скорее не доверяю	21,5	32,5	17,6	29,7	21,1	31,6
совершенно не доверяю	22,1	27,3	8,3	13,8	18,9	14,7
затрудняюсь ответить	9,6	19,2	9,7	16,9	21,1	13,7

Ситуация с уровнем доверия как главе государства, так и главам республик в целом не внушает оптимизма. Но связана ли обозначенная ситуация с тем, что это посты высоко персонифицированные? Поэтому во всех неприятностях люди хотят винить конкретного человека, персонификатора, а не обезличенный исполнительный орган, где ответственного назначить довольно затруднительно?

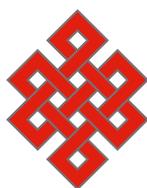
Мы попытались прояснить ситуацию, задавая вопросы респондентам об уровне их доверия федеральному и республиканскому правительствам. Удалось установить, что правительства южно-сибирских республик доверием населения располагают в несколько большей степени, нежели их главы. Полностью доверяли правительству своей республики 10,4% опрошенных в Хакасии и 26,2% — в Туве. В Республике Алтай вновь представители власти абсолютным доверием не пользовались (таблица 3). Вторая группа, со средним уровнем накопления социального капитала во всех трех республиках преобладала, была представлена примерно в равной степени, а средний индекс этой группы был более единицы (Хакасия — 35%, Тыва — 41%, Алтай — 35%). В то же время первая группа, с наименьшим уровнем накопления социального капитала и характеризующаяся высокой степенью закрытости, в Хакасии включала 43,4% опрошенных, в Республике Алтай — 38,5%, и чуть меньше в Туве — 21,4%. Не менее 10% респондентов, а в Республике Алтай 23% не смогли определиться с позицией.

В 2018 г. полностью доверяли правительству республики только 3,5% опрошенных в Хакасии, 8,3% — в Туве и 10,5% — в Республике Алтай. Индекс второй группы был более единицы только в Туве, а в Хакасии и на Алтае к ней были отнесены 21,9% и 28,4% опрошенных соответственно. Первая группа, напротив, численно преобладала. Особенно заметна она была в Хакасии, где отказал в доверии правительству республики каждый второй, в Алтае таковых среди опрошенных было 39%, в Туве — 42,7%.

Добавим, что если в 2013 г. уровень доверия правительству республик Южной Сибири и России был сопоставим, то в 2018 г. доверяли Правительству РФ почти 15% респондентов в Туве, а в Хакасии и на Алтае только по 5% опрошенных. Скорее доверяли (средний уровень накопления капитала доверия) 46,3% опрошенных в Туве, 30,5% — в Республике Алтай и только 26% — в Хакасии. Самой массовой была первая группа отказавших в доверии правительству республики.

Таблица 3. Динамика изменения ответов респондентов на вопрос «Каков уровень Вашего доверия к правительству республики?», в %
Table 3. Dynamics of changes in respondents' responses to the question "What is the level of your trust in the Government of the Republic?", in %

Каков уровень Вашего доверия к правительству республики?	Жители республики					
	Хакасия		Тыва		Алтай	
	2013	2018	2013	2018	2013	2018
полностью доверяю	10,4	4,8	26,2	15,2	3,2	5,3
скорее доверяю	35,4	26,0	41,4	48,3	34,7	30,5
скорее не доверяю	24,2	33,7	13,8	16,9	21,1	28,4
совершенно не доверяю	19,2	17,3	7,6	4,1	17,4	15,8
затрудняюсь ответить	10,8	18,3	11,0	15,5	23,7	20,0

Уровень доверия руководству административной единицы (города, села), в которой проживают респонденты, также продемонстрировал среднее значение. Во всех трех республиках группа респондентов, доверявших администрации, была примерно равной, но численно уменьшилась относительно результатов опроса 2013 г. В то же время группа с низким уровнем доверия местной администрации в Туве, Хакасии и Алтае была больше 33,3% (т. е. больше единицы), а в Республике Алтай их доля была равна совокупно численности двух других групп (таблица 4).

Таблица 4. Динамика изменения ответов респондентов на вопрос «Каков уровень Вашего доверия к администрации города / села?», в %
Table 4. Dynamics of changes in respondent's responses to the question "What is the level of your trust in the town / community administration?", in %

Каков уровень Вашего доверия к администрации города/села?	Жители республики					
	Хакасия		Тыва		Алтай	
	2013	2018	2013	2018	2013	2018
полностью доверяю	10,4	8,5	22,8	8,3	6,3	10
скорее доверяю	35,8	36,2	39,3	39,7	38,9	30
скорее не доверяю	23,7	24,8	20	25,5	17,9	29,5
совершенно не доверяю	19,8	9,4	6,9	8,6	18,9	10,5
затрудняюсь ответить	10,4	21,2	11	17,9	17,9	20

Конечно, следует учитывать, что показатели доверия властно-политическим институтам могут быстро меняться и зависят от социально-экономической и политической ситуации. Но как раз это и важно при анализе условий формирования и реализации социального капитала.

В целом, проведенные в регионе исследования выявили тенденцию численного преобладания групп респондентов, демонстрировавших отсутствие доверия к властям и принимаемым ими социально-политическим решениям, как не учитывающим их интересы и запросы. Например, анализ ответов респондентов на вопрос о том, насколько мнение простых людей влияет на принятие властью социально-политических решений? (таблица 5), выявил такую ситуацию: в 2013 г. отвечали, что мнение простых людей (третья группа) учитывается властями, в Хакасии — 13%, в Туве — 24,5%, в Республике Алтай — 4,7%. Наиболее численно представленной в Туве была вторая группа респондентов, отметивших, что мнение простого человека учитывается лишь частично, а в Хакасии и в Алтае — первая, то есть те, кто отметил низкий уровень реакции властей на мнение и запросы простых людей. В 2018 г., после периода обострения внешнеполитической обстановки (санкционные войны), внутривластных неурядиц (скандальные выборные компании), экономического кризиса 2014 г., вторая группа сократилась более чем на половину (Хакасия — 12,7%, Тува — 22,1% Алтай — 16,8%), а доля оказавших полное доверие (третья группа) властям, администрациям и вовсе сопоставима была со статистической погрешностью при высоком проценте неопределенности.

Соответственно, большинство респондентов, демонстрируя отсутствие доверия к властям и принимаемым ими социально-политическим решениям фактически заявляют о намерении решать свои проблемы самостоятельно, опираться на собственные силы, что чревато усилением закрытости социального капитала (Pitlik, Rode, 2017: 597–598).

К выводу о девальвации межличностного и неперсонифицированного доверия в России в целом, и республиках Южной Сибири в частности, исследователи приходят независимо друг от друга, основываясь на анализе самых разнообразных процессов и явлений. Например, о формировании атмосферы недоверия, как между жителями региона, так и по отношению к институтам государства, гражданского общества заявляют в своих исследованиях К. Зорбас, С. В. Рыжова и др. (Zorbass, 2021: 100–108; Рыжова, 2016). Причину снижения уровня межличностного и неперсонифицированного доверия исследователи усматривают в процессах трансформации социально-политических, экономических основ государства в 1990-х гг., когда бывшие советские граждане фактически потеряли идеологические и психологические основания взаимодействия в виде советского интернационализма, институтов товарищества, коллективистской солидарности. Жители регионов постсоветской России стали обращаться к проверенным временем механизмам обретения групповой солидарности.

Таблица 5. Динамика изменения ответов респондентов на вопрос «Можете ли Вы сказать, что мнение простых людей оказывает влияние на принятие властью социально-политических решений?», в %
 Table 5. Dynamics of changes in respondents' responses to the question "Can you say that opinions of ordinary people have an impact on making sociopolitical decisions by the authorities?", in %

Можете ли Вы сказать, что мнение простых людей оказывает влияние на принятие властью социально-политических решений?	Жители республики					
	Хакасия		Тыва		Алтай	
	2013	2018	2013	2018	2013	2018
влияет	12,9	2,5	24,5	8,3	4,7	2,6
частично влияет	37,7	12,7	43,4	22,1	40	16,8
не влияет	44	70	20,7	44,5	49,5	63,2
затрудняюсь ответить	5,4	14,8	11,4	25,2	5,8	17,4

Архаизация и возрождение традиции, ревитализация социокультурных практик в целях адаптации, а порой и выживания в сложной ситуации 1990-х и 2000-х гг., имела своим следствием усиление закрытости местных сообществ, рост значимости теневых структур и институтов, от криминальных, до сверхъестественных (Zorbas, 2021; Ламажаа, 2013; Ламажаа, Бахтикиреева, 2022), что с одной стороны, позволило задействовать внутренние ресурсы, но с другой стороны, породило множество довольно мрачных практик, питаемых атмосферой недоверия, конкуренции, индивидуализма. В ситуации неуверенности в завтрашнем дне, из страха быть обманутым более предприимчивым соседом, даже родственником, трудно говорить о доверии к дискредитировавшим себя общественным организациям, властным структурам, формальным профсоюзам, людям вне семьи (Ламажаа, 2013; Ламажаа, Бахтикиреева, 2022: 270).

Согласно данным опросов, проводимых ведущими социологическими службами, авторитетными исследовательскими центрами, авторскими коллективами, недоверием охвачены около 2/3 опрошенных россиян, а уровень доверия в России весьма невелик. Эта же картина наблюдается в исследуемом регионе. В целом региональный социум демонстрирует средний уровень накопления капитала доверия, что может свидетельствовать о равном ресурсе закрытого и открытого капитала.

Динамика капитала «ценностей и норм» в региональном пространстве Южной Сибири

Открытый социальный капитал предполагает высокую степень комплементарности межэтнического взаимодействия, функционирование норм универсальной морали, отсутствие конфликта экзистенциально значимых ценностей. В противоположность «открытому», отмечает Л. И. Полищук, «закрытый» социальный капитал опирается на ограниченную мораль (Полищук, 2011: 86), предполагающую установки на самоизоляция местных сообществ, что сопровождается повышенной чувствительностью и негативизмом по отношению к «другому/чужому».

Анализируемый блок ценностных установок является самым сложным компонентом социального капитала по той причине, что операционализировать приходится субъективные чувства и ориентации респондентов. Относительно неплохо разработанными и обладающими значительным эвристическим потенциалом, в плане анализа такого рода феноменов, являются методы социологического исследования установок на солидарность, комплементарность и отношения жителей региона к фактам проявления неприязни к представителям иных национальностей и конфессий. В 2013 г. «нулевую толерантность» к проявлению неприязни по признаку («никогда не допустимо») отметили почти треть опрошенных в Туве, более половины респондентов в Хакасии и Алтае (таблица 6).

Таблица 6. Динамика изменения ответов респондентов на вопрос: «*Может ли быть оправдано публичное проявление неприязни к представителям иных национальностей?*», в %
 Table 6. Dynamics of changes in respondents' responses to the question "Can public manifestation of hostility to representatives of other nationalities be justified?", in %

Может ли быть оправдано публичное проявление неприязни к представителям иных национальностей?	Жители республики					
	Хакасия		Тыва		Алтай	
	2013	2018	2013	2018	2013	2018
к этому нужно относиться снисходительно	8,3	7,5	10,7	10,7	8,9	7,4
иногда допустимо	29,8	24,2	30,0	25,5	21,6	26,8
никогда не допустимо	51,0	50,8	31,0	30,3	54,2	47,9
затрудняюсь ответить	11,0	17,5	28,3	33,4	15,3	17,9

Иными словами, группа, рассматриваемая нами как демонстрирующая самый высокий уровень формирования открытого капитала ценностей и норм, представляет собой значимую величину с индексом выше единицы во всех трех республиках. Отметим, что в Тыве эта группа была практически равна второй группе со средним уровнем формирования капитала ценностей и норм скорее открытого типа («иногда допустимо»), а в Республике Алтай — чуть более 21%. Первая группа («к этому нужно относиться снисходительно»), с минимальным уровнем открытого капитала ценностей и норм, продемонстрировала низкий индексный показатель и процентный уровень (в границах 8–11%) во всех республиках, но значительной была группа неопределившихся.

По данным опроса 2018 г. ситуация межэтнокультурной комплементарности в региональном социуме несколько изменилась. Проявление неприязни по-прежнему считали абсолютно недопустимым порядка трети опрошенных в Тыве и половины в Хакасии. В Республике Алтай представленность первой группы снизилась до 48%. Ответ «иногда это допустимо» (вторая группа) выбрали четверть опрошенных в Хакасии, почти столько же в Тыве и в Алтае. Первая группа с минимальным уровнем накопления «капитала ценностей и норм» также уменьшилась. Напротив, число неопределившихся увеличилось, что с учетом общего контекста дает возможность предположить наличие ситуации обеспокоенности, встревоженности опрошенных, неспособных дать четкую оценку процессам межэтнического взаимодействия. При ответе на уточняющий вопрос, к каким конкретно национальностям (этносам) респонденты испытывают неприязнь, как на начало исследований (2013 г.), так и в последующем порядка 80–85% опрошенных в республиках Южной Сибири отмечали, что таковых нет совсем. Соответственно, расчетный индекс ответов тех респондентов, которые все же называли национальности, к представителям которых испытывают неприязнь (фигурировали цыгане, кавказские, среднеазиатские этносы и нации), был очень небольшим — в рамках статистической погрешности.

Наличие оснований для толерантного диалога и комплементарного, бесконфликтного взаимодействия демонстрировали более 2/3 опрошенных, что подтверждали результаты анализа ответов респондентов о наличии конфессий, к представителям которых они испытывали неприязнь. В исторически поликонфессиональном регионе, где непосредственно, лицом к лицу взаимодействовали буддисты, христиане, шаманисты и др., подавляющее большинство опрошенных отмечали отсутствие чувства неприязни по отношению к представителям иных религий и конфессий. Такой ответ в 2013 г. дали 90,8% респондентов в Хакасии, 92,4% — в Тыве и 86% — в Алтае.

Последующий опрос 2018 г. фиксировал незначительное изменение ситуации, когда отсутствие неприязни к представителям иных конфессий отметили порядка 83% опрошенных во всех трех республиках. В частности, респонденты отмечали наличие неприязни к свидетелям Иеговы, иным сектам без конкретного их обозначения и исповедующим ислам. Однако эта группа ответов находилась в пределах 3–5%. К таким же выводам (о высокой степени комплементарности межконфессиональных отношений в регионе) пришли П. К. Дашковский, Е. А. Шершнева, У. П. Бичелдей, А. В. Монгуш —

авторы исследования религиозной ситуации в Республике Тыва 2019 г. (выборка — 334 чел.). Они выявили ситуацию отсутствия у 77% респондентов в Республике Тыва противоречий и конфликтов с представителями других вероисповеданий. Однако 16% опрошенных в ходе проведенного массового в Тыве отметили, что межрелигиозные конфликты все же имели место в их жизни. Самыми «конфликтными» респонденты называли последователей ислама (49%), православия (32%) и буддизма (15%) (Дашковский и др., 2021: 27).

Фиксируемое в ходе опросов, пусть и незначительное, но имеющее место снижение числа отмечающих отсутствие конфликта между представителями различных религий и конфессий объясняется множеством факторов, среди которых сами респонденты называли миграцию из других регионов страны и из-за рубежа (27%), политические (17%) и экономические (12%) процессы. В целом, обозначенные факторы некоторого усиления напряженности межэтнической и межконфессиональной напряженности, на наш взгляд, тесно взаимосвязаны. Миграционный нажим вызывает реакцию неприязни не только по той причине, что значительная часть мигрантов — носители не традиционных для региона религиозных традиций, взглядов и ценностей, но потенциальная экономическая угроза. Мигранты занимают важные для местного населения экономические ниши (торговля, сезонные промыслы), усложняют социальную и политическую ситуацию в республиках региона.

Завершить характеристику рассматриваемого элемента социального капитала предлагаем анализом структуры ценностей жителей региона на основе ответов респондентов на открытый вопрос: «Какие ценности имеют для Вас большее значение?» Анализ структуры системы ценностей, с одной стороны, способен пролить свет на вопрос о степени готовности опрошенных к объединению в группах с разным уровнем социального капитала (содержание категории «ценность» респондентам не разъяснялось). С другой стороны, дает представление о процессах формирования и функционирования норм универсальной морали, предполагающей отсутствие конфликта экзистенциальных ценностей.

В целом проведенные нами исследования свидетельствуют о том, что системы ценностей жителей республик Южной Сибири, в том числе при принятии в расчет этнической принадлежности респондентов, очень схожи и весьма устойчивы (таблица 7). Например, в ходе опроса 2013 г. на первых пяти позициях в структуре ценностей респондентов из Тувы были семья, здоровье, работа, свобода, любовь. Опрошенные в Хакасии отмечали непреходящую значимость все тех же: семьи, здоровья, материального благополучия, работы и любви. В Республике Алтай на первых позициях вновь мы видели ценности: семьи, здоровья, работы, любви, материального благополучия.

В 2018 г., несмотря на общее сходство, наблюдались некоторые подвижки в иерархии пяти наиболее актуальных ценностей. Респонденты из Тувы отметили значимость здоровья, семьи, любви и образования (в равной степени), карьеры. Опрошенные на Алтае также отметили приоритет здоровья, семьи, любви, материального благополучия, карьеры. Здоровье как ценность оказалась чуть более приоритетной, нежели, например, семья и для опрошенных из Хакасии. За ними следовали ценности материального благополучия, любви, законности.

Таблица 7. Динамика изменения ответов респондентов на вопрос «Какие ценности имеют для Вас большее значение?», в %

Table 7. Dynamics of changes in respondents' responses to the question "Which values are more important to you?", in %

Какие ценности имеют для Вас большее значение?	Жители республики					
	Хакасия		Тыва		Алтай	
	2013	2018	2013	2018	2013	2018
семья	91,9	60,8	85,2	49	94,7	58,4
здоровье	81,3	62,7	63,1	67,2	80,0	67,9
материальное благополучие	39,2	42,5	14,8	16,6	28,9	32,1
работа	31,0	14,8	35,5	12,1	37,4	16,8
свобода	21,5	13,8	23,4	14,5	27,4	13,7
образование	15,6	21,3	21,4	36,2	12,1	18,9
любовь	27,7	32,7	21,7	36,2	29,5	39,5
карьера	15,4	15,8	21,0	23,8	11,1	20%
законность	4,8	22,3	15,5	19,3	10,5	14,2
личное достоинство	21,2	19,4	12,8	14,1	25,3	15,3
честность	20,4	12,7	17,9	10,7	21,1	12,6

Иными словами, в регионе сформирована основа для толерантных, даже комплементарных отношений, что обусловлено отсутствием конфликта систем ценностей крупнейших этносов. Интерес представляют и характеристики трансформации системы ценностей жителей региона: наблюдаются подвижки в иерархии системы ценностей, вызванные перемещением модернизационных ценностей образования, законности, карьеры, честности, ответственности и других на вершину устоявшейся иерархии. Следовательно, система ценностей и социальный капитал республик Южной Сибири находится в процессе трансформации, что требует отдельного, самостоятельного исследования.

Капитал «социальных сетей» в оценках жителей республик Южной Сибири

Социальные сети, по утверждению исследователей социального капитала (Bayer, Penny, Ellison, 2020: 471), это ресурсы системы социальных коммуникаций, позволяющие достигать поставленных индивидуальных и коллективных целей. Сточки зрения участия в коллективных акциях и объединениях социальной направленности жители Хакасии и Алтая менее активны, чем жители Тувы.

Почти треть опрошенных в 2013 г. в Хакасии и Алтае и четверть респондентов в Туве отметили, что не состоят в общественно-политических объединениях, не принимали и не планируют в будущем принять участие в каких-либо акциях (таблица 8). В 2018 г. такую позицию демонстрировали уже в среднем на 7–10% меньше опрошенных.

В целом в 2013 г. доля тех, кто выбрал пассивные формы общественно-политического участия (сбор гуманитарной помощи, пожертвований, участие в выборах в органы общественного самоуправления и администрацию города/района) была менее единицы (порядка 17%). Третья группа (участие в деятельности общественных и политических объединений, коллективных обращениях, митингах, демонстрациях, противодействии полиции, забастовке), проявляющая высокую активность в Хакасии, в Туве и Алтае, находилась в рамках 10–15% от числа опрошенных.

В конце десятилетия вторая группа увеличилась в Хакасии почти вдвое, что проявилось в актах «протестного голосования» на выборах главы республики 2018 г. В Туве и в Республике Алтай численность этой группы осталась почти неизменной (порядка 20% от числа опрошенных). Численная представленность третьей группы в республиках Южной Сибири увеличилась незначительно. Очевидно, что капитал социальных сетей еще только становится значимой величиной в регионе.

Таблица 8. Динамика изменения ответов респондентов на вопросы о степени активности общественно-политического участия, в %

Table 8. Dynamics of changes in respondents' responses to questions about the degree of activity of sociopolitical participation, in %

В каких акциях Вы готовы принять участие?	Жители республики					
	Хакасия		Тыва		Алтай	
	2013	2018	2013	2018	2013	2018
Отсутствие (низкий уровень) общественно-политического участия	33,7	26	24,8	15,5	31,1	25,8
Пассивное (средний уровень) общественно-политическое участие	12,4	20,2	19,7	22,7	19,2	18,6
Высокая степень активности общественно-политического участия	11,2	13,3	9,3	15,3	14,4	13,5

В плане анализа характера социальных сетей показательны результаты исследования динамики самоидентификации респондентов с социально-территориальными общностями за обозначенный период. В целях определения типа функционирующего социального капитала в республиках Южной Сибири анализировались ответы респондентов на вопрос «Кем они ощущают себя в большей степени» (таблица 9). В 2013 г. российская национальная (государственная) идентичность была доминирующей у респондентов из Алтая и Хакасии, а в Туве, напротив, была равна и даже немного уступала республиканской. В группу с самым высоким уровнем открытого капитала доверия в горизонтальном измерении следует, на наш взгляд, включать также респондентов с выраженной космополитической установкой, которых в 2018 г. в Туве было 16,2%, в Хакасии — 10,8%, а в Алтае — 6,3%.

Таблица 9. Динамика изменения ответов респондентов на вопрос «Кем Вы ощущаете себя в большей степени?», в %

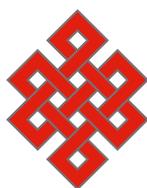
Table 9. Dynamics of changes in respondents' responses to the question "Who do you feel more like?", in %

Кем Вы ощущаете себя в большей степени?	Жители республики					
	Хакасия		Тыва		Алтай	
	2013	2018	2013	2018	2013	2018
жителем своего города/села	15,4	15,6	17,9	6,9	13,7	18,9
жителем своей республики	20,4	16,9	27,2	23,1	16,8	22,6
жителем Сибири	18,7	18,5	3,1	4,8	6,8	11,1
жителем России	32,3	33,3	26,6	39,7	41,1	31,1
человеком мира	4,8	10,8	9,7	16,2	6,8	6,3
затрудняюсь ответить	1,0	2,7	1,4	4,1	1,1	2,6

Идентифицировали себя с весьма широкой социальной общностью — российской гражданской нацией — порядка трети опрошенных во всех республиках, что, на наш взгляд, свидетельствует о достаточно высокой степени национальной идентичности. Тем не менее, российская идентичность, а следовательно, и значимость участия в национальной российской общности в Южной Сибири, отмечает Л. М. Дробижева, ниже, чем в европейской части страны, где идентифицируют себя с россиянами до 75–85% опрошенных (Дробижева, 2018: 107). Вторая группа, отметившая значимость региональной и республиканской общности, оказалась сопоставима с третьей. Актуальность связи с жителями своей республики и Сибирского региона отметили 39,1% в Хакасии, 30,3% — в Тыве и 23,6% респондентов из Алтая. Приоритет территориально-поселенческой идентичности, актуальность местного сообщества по сравнению с региональным или национальным (первая группа), отметили в Тыве 17,9% респондентов, в Хакасии — 15,4%, и 13,7% — в Республике Алтай. Иными словами, представленность группы с преобладанием закрытого типа социального капитала в Хакасии была более единицы, в Республике Тыва почти равна единице, в Алтае — менее единицы.

Результаты опроса 2018 г. фиксировали изменение ситуации в сторону увеличения группы с максимальным уровнем открытого капитала социальных сетей в Хакасии и Тыве. В Республике Алтай, напротив, эта группа потеряла 10%. Актуализацию российской идентичности, повышение значимости членства в российской нации также выявили проводимые параллельно исследования в соседних сибирских регионах. В частности, проведенные В. Г. Немировским в 2010–2011 гг. исследования социальной структуры и социального капитала Красноярского края фиксировали ситуацию приоритетной самоидентификации населения с более широкими, нежели регион, село/город, этнос, территориальными общностями — россиянами. Характеризуя обозначенную ситуацию, В. Г. Немировский справедливо отмечает, что, с одной стороны, возникли более благоприятные условия для реализации социального капитала жителей края вне пределов региона, с другой — можно предположить, что произошло определенное сокращение возможностей для его реализации на месте (Немировский, Немировская, 2011: 128). Приоритетность республиканской и региональной социальных общностей (вторая группа) отметили треть опрошенных в Хакасии и в Республике Алтай. Другими словами, показатели, интерпретируемые нами как средний уровень накопления капитала социальных сетей, которые следует трактовать в категориях открытости средней интенсивности, остались неизменными, как и индекс представленности первой группы с минимальным уровнем открытости капитала сетей, характеризующего процессы локализации регионального социума в Хакасии и в Республике Алтай. Напротив, в Тыве этот показатель снизился.

Результаты исследования позволяют сделать вывод, что социальный капитал общностей, входящих в региональное сообщество, весьма схож, но о полном совпадении процессов функционирования социального капитала и его однотипности говорить не приходится.

Заключение

Социальный капитал в значительной степени обуславливает ресурсно-производительную сферу функционирования современного социума, оказывает воздействие на уровень благосостояния и качество жизни, эффективность деятельности органов управления, институтов гражданского общества. Проведенное исследование позволяет говорить, что социальный капитал республик Южной Сибири представляет собой сложное, многомерное, развивающееся явление. Этим объясняется противоречивая картина функционирования, с одной стороны, ситуации высоко комплементарных отношений между представителями разных этносов и конфессий, свойственного открытому типу социального капитала, высокого уровня самоидентификации жителей Тувы, Хакасии и Республики Алтай с национальной российской общностью, а с другой стороны — недоверия институтам государства, гражданского общества и местной администрации.

Недоверие жителей всех трех республик к власти за обозначенный период 2013–2018 гг. только усиливалось, способствуя автономизации и изоляции республик. Конечно, в период нестабильности и кризисов закрытый социальный капитал играет важную роль консолидации и оптимизации ресурсов, но велика и опасность, что укоренившиеся механизмы внутренней и неформальной коммуникации станут трудно преодолимым бременем, препятствием для развития республиканского социума. Этот тезис подтверждают измерения уровня неперсонифицированного доверия, продемонстрировавшие средние значения, и свидетельствующие, что жители республик Южной Сибири не готовы действовать в рамках общественных и политических организаций, склонны к ограниченному альтруизму. Предпринять конкретные действия (коллективные обращения, митинги, демонстрации, избрание в органы общественного самоуправления) готовы не более 15% опрошенных в регионе. С другой стороны, выявлен характерный для открытого типа социального капитала высокий уровень комплементарности социокультурных, этнически и конфессионально гетерогенных групп региона, вплоть до фактического совпадения норм морали и ценностей, почти нулевой терпимости к дискриминации.

Можно сказать, что исход противостояния двух обозначенных типов социального капитала в республиках Южной Сибири остается неопределенным. Роль открытого и закрытого социального капитала заметна и измеряема. Современный, открытый социальный капитал, очевидно, дает осязаемую отдачу — более открытый социум при прочих равных условиях будет благополучнее «закрытого», а изменение восприятия людей меняет их возможности влиять на социально-политические и экономические процессы. Следует принимать в расчет тот факт, что открытый капитал в новинку для российских регионов.

В нашем исследовании полученные в республиках данные подвергались сопоставительному анализу, что позволяет сделать вывод о наличии общих черт и схожести целых компонентов социальных капиталов республик, но не позволяет говорить о их полном совпадении. Безусловно, есть ресурс «регионального социального капитала», но однозначно говорить о наличии такового пока преждевременно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авдеева, Д. А. (2019) Доверие в России и его связь с уровнем экономического развития // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 79–93. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086904990005087-7>

Аксютин, Ю. М., Тышта, Е. В. (2013) Трансформации надэтнической идентичности в условиях становления российского федерализма: региональный аспект // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. № 1–2 (27). С. 16–20.

Аксютин, Ю. М. (2016) Влияние трансформации структуры идентичностей жителей регионов постсоветской России на характер межэтнических отношений (на примере Тувы, Хакасии, Алтая) // *Новые исследования Тувы*. № 2. С. 162–174.

Аксютин, Ю. М. (2019) Оценки характера межэтнического взаимодействия жителей Южно-сибирских республик Тува и Хакасия в 2016–2018 гг. (на основе данных социологических исследований) // *Современные исследования социальных проблем*. Т. 11. № 4–3. С. 54–61.

Алмакаева, А. М., Волченко, О. В. (2018) Динамика социального капитала в России // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. № 4. С. 273–292. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.13>

Дашковский, П. К., Шершнева, Е. А., Бичелдей, У. П., Монгуш, А. В. (2021) Религиозная ситуация в Республике Тыва (по результатам социологического исследования) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 18–34. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.2>

Дробижева, Л. М. (2018) Российская идентичность: дискуссии в политическом пространстве и динамика массового сознания // Полис. Политические исследования. № 5. С. 100–115. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.09>

Гужавина, Т. А., Афанасьев, Д. В., Воробьева, И. Н., Мехова, А. А., Морев, М. В., Дементьева, И. Н. (2018) Региональный социальный капитал в условиях кризиса. Череповец : Череповецкий государственный университет. 220 с.

Гужавина, Т. А., Воробьева, И. Н. (2018) Межличностное доверие в структуре социального капитала (на материалах Вологодской области) // Вопросы территориального развития. № 2 (42). С. 1–13. DOI: <https://doi.org/10.15838/tdi.2018.2.42.5>

Инглхарт, Р., Вельцель, К. (2011) Модернизация, культурные изменения и демократия : Последовательность человеческого развития. М. : Новое издательство. 464 с.

Козырева, П. М., Смирнов, А. И. (2010) Доверие и его роль в консолидации российского общества // Социальные факторы консолидации Российского общества: социологическое измерение / под ред. М. К. Горшкова. М. : Новый хронограф. 256 с. С. 160–199.

Коробейников, А. М. (2017) Особенности социального капитала в регионах России // Россия и ее регионы в полимасштабных интеграционно-деинтеграционных процессах: материалы международной научной конференции в рамках VIII ежегодной научной ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов / гл. ред. А. И. Зырянов, М. Д. Шарыгин. Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет. 664 с. С. 236–241.

Кошарная, Г. Б. (2015) Институциональное и межличностное доверие в консолидации российского общества // Власть. № 9. С. 125–129.

Ламажаа, Ч. К. (2013) Архаизация общества. Тувинский феномен. М. : Книжный дом «Либроком». 272 с.

Ламажаа, Ч. К., Бахтикиреева, У. М. (2022) «Проклятые жизни» и ценностный кризис в тувинском обществе // Новые исследования Тувы. № 1. С. 266–275. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.18>

Латов, Ю. В. (2021) Институциональное доверие как социальный капитал в современной России (по результатам мониторинга) // Полис. Политические исследования. № 5. С. 161–175. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.05.11>

Немировский, В. Г., Немировская, А. В. (2011) Социальная структура и социальный капитал населения Красноярского края. Красноярск : Сибирский федеральный университет. 159 с.

Полищук, Л. И. (2011) Социальный капитал в России: измерение, анализ, оценка влияния // Городское управление. № 6 (179). С. 83–90.

Радаев, В. В. (2002) Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. Т. 3. № 4. С. 20–32.

Рогач, О. В. (2019) Социальный капитал: новые возможности развития местных сообществ // Социодинамика. № 9. С. 25–39. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2019.9.30550>

Рыжова, С. В. (2016) Доверие и этническая толерантность в условиях социальных перемен // Социологический журнал. Т. 22. № 1. С. 72–94. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2016.22.1.3920>

Спирина, А. С., Максимова, С. Г. (2019) Характеристика межличностного и институционального доверия / недоверия в приграничных регионах России (по результатам социологического исследования) // Социодинамика. № 6. С. 49–62. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2019.6.30022>

Фукуяма, Ф. (2002) Социальный капитал // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона и С. Хангтингтона. М. : Московская школа политических исследований. 320 с. С. 129–148.

Фукуяма, Ф. (2004) Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию : пер. с англ. М. : ООО «Издательство АСТ» ; ЗАО НПП «Ермак». 730, [6] с.

Херпфер, К., Кизилова, К. А. (2016) Социальный капитал как фактор социально-экономического и политического развития стран постсоветской Евразии // Социология. № 1. С. 17–38.

Шабунова, А. А., Косыгина, К. Е., Белехова, Г. В. (2021) Доверие и социальное неравенство: российский кейс // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 4. С. 186–211. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1785>

Шабунова, А. А., Гужавина, Т. А., Кожина, Т. П. (2015) Доверие и общественное развитие в России // Проблемы развития территории. № 2 (76). С. 7–19.

Шорина, И. Н. (2013) Институциональное доверие в современном российском обществе (региональный аспект) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. № 8 (124). С. 271–274.

Aksutin, Yu. M., Kochina, E. A. (2020) "A new type of believer": Transformations of religiosity in the regions of post-Soviet Russia (on the example of Khakassia) // Culture, personality, society in the conditions of digitalization: Methodology and experience of empirical research: XXIII International conference named after professor L. N. Kogan / Editorial board: E. Grunt, M. Guzikova, A. Merenkov and etc. Yekaterinburg : Institute of Modern Management Technologies. 677 p. Pp. 20-28. DOI: <https://doi.org/10.18502/kss.v5i2.8330>

Bayer, J. B., Penny, T., Ellison, N. B. (2020) Social media elements, ecologies, and effects // Annual Review of Psychology. Vol. 71. P. 471–497. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-010419-050944>

Bourdieu, P. (1986) The forms of capital // Handbook of theory and research for the sociology of education / ed. by J. G. Richardson. N. Y. : Greenwood Press. xxiv, 377 p. P. 241–258.

Coleman, J. S. (1988) Social capital in the creation of human capital // The American Journal of Sociology. Vol. 94. P. S95–S120.

Durlauf, S. N., Fafchamps, M. (2005) Social capital // Handbook of economic growth / ed. by P. Aghion and S. Durlauf. Elsevier. Vol. 1, chapter 26 (1B). P. 1639–1699.

Nugrahani, T., Suharni, S., Saptatiningsih, R. (2019) Potential of social capital and community participation in village development // Journal of Economics and Policy. Vol. 12. No. 1. P. 68–85. DOI: <https://doi.org/10.15294/jejak.v12i1.15775>

Pitlik, H., Rode, M. (2017) Individualistic values, institutional trust, and interventionist attitudes // Journal of Institutional Economics. Vol. 13. No. 3. P. 575–598. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1744137416000564>

Putnam, R., Leonardi, R., Nanetti, R. (1994) Making democracy work: Civic traditions in modern Italy. Princeton, NJ. : Princeton University Press. xv, 258 p.

Putnam, R. (1995) Tuning in, tuning out: The Strange disappearance of social capital in America // Political Science and Politics. Vol. 28. No. 4. P. 664–683. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1049096500058856>

Putnam, R. (2000) Bowling alone: The collapse and revival of American community. N. Y. : Simon and Schuster. 541 p.

Sanchez-Ruiz, P., Daspit, J. J., Holt, D. T., Rutherford, M. W. (2019) Family social capital in the family firm: A taxonomic classification, relationships with outcomes, and directions for advancement // Family Business Review. Vol. 32. No. 2. P. 131–153. DOI: <https://doi.org/10.1177/0894486519836833>

Williams, N., Krasniqi, B. A. (2018) Coming out of conflict: How migrant entrepreneurs utilise human and social capital // Journal of International Entrepreneurship. Vol. 16. No. 2. P. 301–323. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10843-017-0221-4>

Zorbas, K. (2021) Shamanic dialogues with the invisible dark in Tuva, Siberia. The cursed lives. Newcastle upon Tyne : Cambridge Scholar Publishing. 125 p.

Дата поступления: 01.03.2022 г.

REFERENCES

Avdeeva, D. A. (2019) Doverie v Rossii i ego sviaz' s urovnem ekonomicheskogo razvitiia [Trust in Russia and its connection with the level of economic development]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 79–93. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S086904990005087-7>

Aksiutin, Yu. M. and Tyshta, E. V. (2013) Transformatsii nadetnicheskoi identichnosti v usloviakh stanovleniia Rossijskogo federalizma: regional'nyi aspekt [Transformations of supra-ethnic identity under conditions of Russian federalism formation: Regional aspect]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 1–2 (27), pp. 16–20. (In Russ.).

Aksiutin, Yu. M. (2016) Vliianie transformatsii struktury identichnostei zhitelei regionov postsovetsoi Rossii na kharakter mezhetnicheskikh otnoshenii (na primere Tuvy, Khakasii, Altaia) [Transformation of personal identity structure in the regions of post-Soviet Russia and its impact on interethnic relations: The cases of the republics of Tuva, Khakassia and Altai]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 162–174. (In Russ.).

Aksiutin, Yu. M. (2019) Otsenki kharaktera mezhetnicheskogo vzaimodeistviia zhitelei Iuzhno-sibirskikh respublik Tuva i Khakasiia v 2016–2018 gg. (na osnove dannykh sotsiologicheskikh issledovani) [The evaluation of the interethnic cooperation between republics of Tuva and Khakassia residents' character in 2016–2018 (according to sociological researches data)]. *Sovremennye issledovaniia sotsial'nykh problem*, vol. 11, no. 4–3, pp. 54–61. (In Russ.).

Almakaeva, A. M. and Volchenko, O. V. (2018) Dinamika sotsial'nogo kapitala v Rossii [Dynamics of social capital in Russia]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, no. 4, pp. 273–292. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.13>

Dashkovskiy, P. K., Shershneva, E. A., Bicheldey, U. P. and Mongush, A. V. (2021) Religioznaia situatsiia v Respublike Tyva (po rezul'tatam sotsiologicheskogo issledovaniia) [Religious situation in the Republic of Tuva (Based on the results of a sociological study)]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 18–34. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.2>

Drobizheva, L. M. (2018) Rossiiskaia identichnost': diskussii v politicheskom prostranstve i dinamika massovogo soznaniia [Russian identity: Discussions in the political space and dynamics of mass consciousness]. *Polis. Political Studies*, no. 5, pp. 100–115. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.09>

Guzhavina, T. A., Afanasiev, D. V., Vorob'eva, I. N., Mekhova, A. A., Morev, M. V. and Dementieva, I. N. (2018) *Regional'ny sotsial'nyi kapital v usloviakh krizisa [Regional social capital in a crisis]*. Cherepovets, Cherepovets State University. 220 p. (In Russ.).

Guzhavina, T. A. and Vorob'eva, I. N. (2018) Mezhlchnostnoe doverie v strukture sotsial'nogo kapitala (na materialakh Vologodskoi oblasti) [Interpersonal trust in the structure of social Capital (on material from the Vologda Oblast)]. *Territorial Development Issues*, no. 2 (42), pp. 1–13. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.15838/tdi.2018.2.42.5>

Inglehart, R. and Welzel, Ch. (2011) *Modernizatsiia, kul'turnye izmeneniia i demokratiia [Modernization, cultural change, and democracy. The human development sequence]* / transl. from Engl. Moscow, Novoe izdatel'stvo. 464 p. (In Russ.).

Kozyreva, P. M. and Smirnov, A. I. (2010) Doverie i ego rol' v konsolidatsii rossiiskogo obshchestva [Trust and its role in the consolidation of Russian society]. In: *Sotsial'nye faktory konsolidatsii Rossiiskogo obshchestva: sotsiologicheskoe izmerenie [Social factors of consolidation of Russian society: A sociological dimension]* / ed. by M. K. Gorshkova. Moscow, Novyi khronograf. 256 p. Pp. 160–199. (In Russ.).

Korobeinikov, A. M. (2017) Osobennosti sotsial'nogo kapitala v regionakh Rossii [Features of social capital in the regions of Russia]. In: *Rossii i ee regiony v polimasshtabnykh integratsionno-dezintegratsionnykh protsessakh [Russia and its regions in full-scale integration and disintegration processes]* : Proceedings of the International scientific conference within the framework of the 8th Annual Scientific Assembly of the Association of Russian Geographers and Social Scientists / ed. by A. I. Zyrianov and M. D. Sharygin. Perm, Perm State National Research University. 664 p. Pp. 236–241. (In Russ.).

Kosharnaia, G. B. (2015) Institutsional'noe i mezhlchnostnoe doverie v konsolidatsii rossiiskogo obshchestva [Institutional and interpersonal trust in the process of consolidation of the Russian society]. *Vlast'*, no. 9, pp. 125–129. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2013) *Arkhaizatsiia obshchestva. Tuvinskii fenomen [Archaization of the society. Tuvan phenomenon]*. Moscow, Knizhnyi dom "Librokom". 272 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. and Bakhtikireeva, U. M. (2022) «Proklyatye zhizni» i tsennostnyi krizis v tuvinskom obshchestve [“Cursed lives” and the crisis of values in Tuvan society]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 266–275. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.18>

Latov, Yu. V. (2021) Institutsional'noe doverie kak sotsial'nyi kapital v sovremennoi Rossii (po rezul'tatam monitoringa) [Institutional trust as a social capital in modern Russia (based on the results of monitoring)]. *Polis. Political Studies*, no. 5, pp. 161–175. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.05.11>

Nemirovskii, V. G. and Nemirovskaia, A. V. (2011) *Sotsial'naiia struktura i sotsial'nyi kapital naseleniia Krasnoyarskogo kraia [Social structure and social capital of the population of Krasnoyarsk Krai]*. Krasnoyarsk, Siberian Federal University. 159 p. (In Russ.).

Polishchuk, L. I. (2011) Sotsial'nyi kapital v Rossii: izmerenie, analiz, otsenka vliianiia [Social capital in Russia: Measurement, analysis, impact assessment]. *Gorodskoe upravlenie*, no. 6 (179), pp. 83–90. (In Russ.).

Radaev, V. V. (2002) Poniatie kapitala, formy kapitalov i ikh konvertatsiia [The concept of capital, forms of capital and their conversion]. *Ekonomicheskaiia sotsiologiya*, vol. 3, no. 4, pp. 20–32. (In Russ.).

Rogach, O. V. (2019) Sotsial'nyi kapital: novye vozmozhnosti razvitiia mestnykh soobshchestv [Social capital: New opportunities for the development of local communities]. *Sociodynamics*, no. 9, pp. 25–39. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2019.9.30550>

Ryzhova, S. V. (2016) Doverie i etnicheskaia tolerantnost' v usloviakh sotsial'nykh peremen [Trust and ethnic tolerance under conditions of social change]. *Sociological Journal*, vol. 22, no. 1, pp. 72–94. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2016.22.1.3920>

Spirina, A. S. and Maksimova, S. G. (2019) Kharakteristika mezhlichnostnogo i institutsional'nogo doveriia / nedoveriia v prigranichnykh regionakh Rossii (po rezul'tatam sotsiologicheskogo issledovaniia) [The characteristics of interpersonal and institutional trust / mistrust in the Russian border regions (based on the results of sociological research)]. *Sociodynamics*, no. 6, pp. 49–62. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2019.6.30022>

Fukuyama, F. (2002) Sotsial'nyi kapital [Social capital]. In: *Kul'tura imeet znachenie. Kakim obrazom tsennosti sposobstvuiut obshchestvennomu progressu [Culture matters: How values shape human progress]* / L. Harrison and S. Huntington (eds.), transl. from Engl. Moscow, Moskovskaia shkola politicheskikh issledovani. 320 p. Pp. 129–148. (In Russ.).

Fukuyama, F. (2004) *Doverie: sotsial'nye dobrodeteli i put'k protsvetaniiu [The social virtues and the creation of prosperity]* / transl. from Engl. Moscow, AST Publ. ; Ermak. 730, [6] p. (In Russ.).

Kherpfer, K. and Kizilova, K. A. (2016) Sotsial'nyi kapital kak faktor sotsial'no-ekonomicheskogo i politicheskogo razvitiia stran postsovetsoi Evrazii [Social capital as a factor of socio-economic and political development of Eurasia post-Soviet countries]. *Sociology*, no. 1, pp. 17–38. (In Russ.).

Shabunova, A. A., Kosygina, K. E. and Belekova, G. V. (2021) Doverie i sotsial'noe neravenstvo: rossiiskii keis [Trust and social inequality: The case of Russia]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, no. 4, pp. 186–211. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1785>

Shabunova, A. A., Guzhavina, T. A. and Kozhina, T. P. (2015) Doverie i obshchestvennoe razvitie v Rossii [Trust and social development in Russia]. *Problems of territory's development*, no. 2 (76), pp. 7–19. (In Russ.).

Shorina, I. N. (2013) Institutsional'noe doverie v sovremennom rossiiskom obshchestve (regional'nyi aspekt) [Institutional trust in modern Russian society (regional aspect)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, no. 8 (124), pp. 271–274. (In Russ.).

Aksutin, Yu. M. and Kochina, E. A. (2020) “A new type of believer”: Transformations of religiosity in the regions of post-Soviet Russia (on the example of Khakassia). In: *Culture, personality, society in the conditions of digitalization: Methodology and experience of empirical research: XXIII International conference named after professor L. N. Kogan* / Editorial board: E. Grunt, M. Guzikova, A. Merenkov et al. Yekaterinburg, Institute of Modern Management Technologies. 677 p. Pp. 20–28. DOI: <https://doi.org/10.18502/kss.v5i2.8330>

Bayer, J. B., Penny, T. and Ellison, N. B. (2020) Social media elements, ecologies, and effects. *Annual Review of Psychology*, vol. 71, pp. 471–497. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-010419-050944>

Bourdieu, P. (1986) The forms of capital. In: *Handbook of theory and research for the sociology of education* / ed. by J. G. Richardson. New York, Greenwood Press. xxiv, 377 p. Pp. 241–258.

Coleman, J. S. (1988) Social capital in the creation of human capital. *The American Journal of Sociology*, vol. 94, pp. S95–S120.

Durlauf, S. N. and Fafchamps, M. (2005) Social capital. In: *Handbook of economic growth* / ed. by P. Aghion and S. Durlauf. Elsevier. Vol. 1, chapter 26 (1V). Pp. 1639–1699.

Nugrahani, T., Suharni, S. and Saptatiningsih, R. (2019) Potential of social capital and community participation in village development. *Journal of Economics and Policy*, vol. 12, no. 1, pp. 68–85. DOI: <https://doi.org/10.15294/jejak.v12i1.15775>

Pitlik, H. and Rode, M. (2017) Individualistic values, institutional trust, and interventionist attitudes. *Journal of Institutional Economics*, vol. 13, no. 3, pp. 575–598. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1744137416000564>

Putnam, R., Leonardi, R. and Nanetti, R. (1994) *Making democracy work: Civic traditions in modern Italy*. Princeton, NJ, Princeton University Press. xv, 258 p.

Putnam, R. (1995) Tuning in, tuning out: The strange disappearance of social capital in America. *Political Science and Politics*, vol. 28, no. 4, pp. 664–683. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1049096500058856>

Putnam, R. (2000) *Bowling alone: The collapse and revival of American community*. New York, Simon and Schuster. 541 p.

Sanchez-Ruiz, P., Daspit, J. J., Holt, D. T. and Rutherford, M. W. (2019) Family social capital in the family firm: A taxonomic classification, relationships with outcomes, and directions for advancement. *Family Business Review*, vol. 32, no. 2, pp. 131–153. DOI: <https://doi.org/10.1177/0894486519836833>

Williams, N. and Krasniqi, B. A. (2018) Coming out of conflict: How migrant entrepreneurs utilise human and social capital. *Journal of International Entrepreneurship*, vol. 16, no. 2, pp. 301–323. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10843-017-0221-4>

Zorbass, K. (2021) *Shamanic dialogues with the invisible dark in Tuva, Siberia. The cursed lives*. Newcastle upon Tyne, Cambridge Scholar Publishing. 125 p.

Submission date: 01.03.2022.